

ФИЛОСОФИЯ И ОБЩЕСТВО

ПОСТМОДЕРН И КРИЗИС ЦИВИЛИЗАЦИИ

В.М. Найдыш

Кафедра онтологии и теории познания
Факультет гуманитарных и социальных наук
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10/2, Москва, Россия, 117198

Н.П. Комарова

Кафедра экономической теории
Национальный исследовательский
технологический университет «МИСИС»
Ленинский проспект, 4, Москва, Россия, 119049

В условиях постмодерна преобразуется тип общения, который определил становление цивилизации. Развитие информационных способов коммуникации делает общение «опосредовано-непосредственным». В этих условиях проявляются две важные тенденции. Во-первых, начинается возврат от абстрактных форм постижения мира к наглядно-образным, более тесно связанным не с когнитивной, а с эмоционально-аффективной сферой духовности. Во-вторых, ослабляется волевое начало в сознании. Эти тенденции, на наш взгляд, и выражают собой фундаментальный тренд исторического развития, который определит будущее человеческой цивилизации.

Ключевые слова: модерн, постмодерн, цивилизация, парapolитика, рационализм, когнитивное, ценностное, сознание.

Опыт истории культуры учит, что глубинные трансформации структур повседневности и способов жизнедеятельности человека неизбежно порождают и фундаментальные теоретические вопросы. Это полностью относится и к нашему времени, нашей эпохе, которую часто именуют постмодерном. Не разобравшись в философских проблемах, порожденных постмодерном, сложно определять стратегические тренды культуры, выработать реальные пути модернизации страны, выхода ее на передовые рубежи современного научно-технического прогресса, ну и, конечно же, оценивать многочисленные футурологические сценарии, широко распространяющиеся сейчас в обществе.

Уходят в прошлое культура и духовные идеалы эпохи Модерна. А это — прежде всего целенаправленная, опирающаяся на стальную неукротимую волю,

созидательная деятельность по формированию мира «очеловеченной природы» с ее ядром — техносферой. Такая деятельность предполагает волевую (страстную, чувственно-эмоциональную) устремленность к освоению *пространства* (эпоха Великих географических открытий, создание мировой системы колониализма, покорение водной и воздушной стихий, прорыв в Космос и др.) и *времени* (развитие средств транспорта, расширяющих скорость и масштабы преобразовательной деятельности человека). Она предполагает установку на *рациональность* действий, высокую организованность, строгую координированность действий множества субъектов, масштабную и тонко подогнанную кооперацию труда и др. В эпоху Модерна человек — главная производительная сила общества, что предполагает развитие его сознания, высокий уровень образования, духовно-нравственное воспитание личности, в том числе ее волевых характеристик. Поэтому эпоха Модерна была нацелена на всесторонний подъем науки, техники, познание объективных закономерностей природы, общества, а также самого человека, на высокие критерии и нормы во всех сферах культуры, искусства, в морали и др.

В конце XX — начале XXI в. в развитии техногенной цивилизации наметились процессы, позволяющие говорить о переходе к качественно новому ее состоянию, которое пока не имеет единого общепринятого наименования — постиндустриальная цивилизация, информационное общество, «общество знаний», эпоха постмодерна и др.

О каких качественных трансформациях техногенной цивилизации прежде всего идет речь? В первую очередь речь идет об экологическом кризисе, об исчерпании минеральных и органических ресурсов на Земле, впереди маячит катастрофическое сокращение пресной воды, а там и исчерпание запасов природного кислорода.

Экологический кризис содержит в себе и медико-генетическую составляющую. Под угрозой генетика человека как биологического вида. На общем фоне роста патологий особенно растет доля психических заболеваний (1). По существу речь идет о генетическом вырождении. Попытки решить данную проблему методами генной инженерии пока мало перспективны (2).

Сознательная деиндустриализация Запада (вывод производств четвертого и пятого технологических укладов в страны Востока) и направленная деиндустриализация России, превращение ее в энергетический придаток Запада привели к доминированию имитационно-игровых форм активности субъекта. Это неизбежно ведет к разрушению культурных достижений Модерна, резкому сокращению в обществе доли людей творческого начала. Все сложнее поддерживать созданную Модерном научно-техническую инфраструктуру. Растет частота техногенных катастроф. Усиливаются тенденции культурного гниения, вплоть до вырождения, приобретающего многообразные формы «гламура».

Серьезные деформационные процессы происходят на макросоциальном уровне. Множатся связи и расширяются каналы взаимодействия обществ, этносов, культурно-цивилизационных миров, возрастает их конкуренция — человечество по существу вступило в эпоху «войны цивилизаций», которую предсказывал еще С. Хантингтон [1]. Все чаще высказывается убеждение, что доминирование и ли-

дирующая роль западной цивилизации в борьбе «культурно-цивилизационных миров» по меньше мере должны быть поставлены под сомнение. Они являются далеко не бесспорными. И действительно, «Закат Европы» в начале XXI в. проявляется даже на уровне природно-биологического воспроизводства человека. Рвутся межличностные и межполовые связи, браки становятся все более редким явлением, семьи распадаются все чаще, в тоже время они малодетны, рождаемость сокращается. Все это усугубляется политикой навязывания (чуть ли ни всем и повсеместно) новейшего западного «открытия» — однополых браков, «ювенальной полиции», пропагандой инцеста и др. Причем этим занимаются не только разного рода общественные гражданские организации Запада, но и высшие официальные государственные структуры, вплоть до президента США (!). За всем этим кроется общая установка некоторых влиятельных структур на деморализацию общества — моральный, нравственный человек в такой системе ценностей объявляется изгоем.

Процессы деформации культуры Модерна особенно контрастны в условиях нашего отечества, где многие объективные исторические тенденции проявляются в особенно противоречивых, а нередко и вовсе уродливых формах. Так, навязывание сплошь и рядом, где надо и где не надо рыночных отношений, отношений спроса и предложения; бездумное стимулирование беспрепятственного роста потребностей индивида; по сути искусственный, не обусловленный весомыми объективными обстоятельствами распад СССР; отказ государства от многих своих важнейших функций и др. — все это привело к доминированию стихийных процессов в социально-экономической и социокультурной сферах. За этим немедленно последовало господство духа разложения и цинизма, тупого потребительства, обогащения любой ценой, оттеснение на вторичные роли рационализированных форм культуры [2], снижение стандартов образования, уровня образованности в обществе. За примерами далеко ходить не нужно. На каждом шагу сталкиваемся с неумением молодых поколений логически мыслить и понимать самые элементарные взаимосвязи вещей и явлений. Плохо образованная молодежь по-средневековому легковерна, легко увлекается самыми нелепыми слухами, распространяемыми, правда, уже не как в средневековье, — в церкви или кабаке, — а через Интернет. Любые, даже самые бессмысленные и откровенные нелепости, особенно если их сопровождают соответствующими зрительным образами, симулякрами, воспринимаются ею как подлинная реальность и становится основанием для ее действий, поведения, а значит, фактором общественной жизни, культуры, политики (3).

Серьезные трансформации происходят и в социально-политической сфере. Политика все больше трансформируется в парapolитику, т.е. закулисное сплетение и соперничество классовых интересов, интриги, непрозрачность. Парapolитика — это активность непрозрачных для массового политического сознания тайных пластов, структур внутри политического процесса. Парapolитика — это когда за фасадом государственной политики вершится совершенно другая линия управления общественными процессами — тайная. Это оказывается возможным, поскольку в политике осознание и выражение экономических (материальных) интересов отдельных социальных групп по своей природе никогда не бывает вполне адек-

ватным, никогда не исчерпывает всего богатства и изменчивости реального содержания этих потребностей и интересов. На этой основе легко мистифицируются реальные пути достижения политических целей и идеалов (4). Предельно идеологизируется и по сути мифологизируются как экономическая наука, так и принципы управления общественными системами и процессами. В сфере параполитики политические идеи имитируются и создается иллюзия того, что в обществе открыто реализуются партийные, политические программы и др. Параполитика наделяет реальным существованием идеологические призраки, химеры. Такая параполитика совершенно непредсказуема, она полностью зависит от расклада узкоэгоистических интересов различных социальных групп и классов. Отсюда и тесная связь параполитики с терроризмом (5).

Как реакция на параполитику усиливается значение конспирологических доктрин, которым нельзя отказать в наличии рационального момента [3](6). Сейчас уже многим очевидно, что направленность общей политики США и ЕС в тайне вырабатывают другие, закрытые от мирового сообщества, структуры. Но, как справедливо отмечают публицисты, не надо, приходя в гости, принимать прислугу за хозяев. В большой (а впрочем, и малой) политике побеждает в конечном счете тот, кто способен демистифицировать властные отношения, сделать их транспарентными (7). Для того, чтобы параполитика была трансформирована в реальную политику, не мистифицирующую цели, интересы различных социальных сил, очень важно усиливать роль гражданского общества.

Общество порождает и воспроизводит определенный тип личности. Фундаментальные сдвиги в социуме не могут не изменить тип личности. На наших глазах формируется совершенно новый тип личности — «человек постмодерна». Среднестатистическая «личность постмодерна» нам хорошо знакома, это — наш современник. Он (она) — одноклассник, однокурсник, земляк, сосед, коллега... Как правило, такая личность занята не в сфере производственно-созидательной деятельности, а в непроизводственной области, в сфере услуг, сервиса, в шоу-бизнесе и др. Обычно он — член небольшого офисного коллектива, как сейчас принято называть, «офисный планктон», малообразованный, ориентированный на штампы обыденного сознания, замкнутый на потребительство, групповой эгоизм, приземленную утилитарную систему ценностей, лишенный патриотизма, понимания общенациональных интересов, при яркой выраженном снобизме по отношению к «простому человеку» и др. Ему СМИ незаслуженно присвоили звание «креативный класс». Незаслуженно — потому, что творческое начало в этой трудовой активности минимизировано, его деятельность в основном не продуктивна, а репродуктивна (8).

Творческое начало заложено в формах предметно-преобразовательной деятельности, т.е. научной, проектно-конструктивной и производственной деятельности ученых, инженеров, техников, рабочих-изобретателей и др. А креативный класс — носитель тех экономических отношений, которые возникли в результате приватизации грандиозного наследия советской эпохи и превращения его в ка-

питал с последующим многократным перераспределением. Здесь — банки, финансовые и торговые биржи, разного рода фонды, сферы рекламы, туризма, обслуживания «новой элиты», шоу-бизнес, большинство СМИ и др. «Креакл» органично встроен в мир рекламы, абсолютного господства денег и рыночных ценностей, интернетовскую паутину, поглощающую инновационное творческое начало в человеке, в трясину гламура. Личность постмодерна неспособна заниматься реальным производством, т.е. деятельностью, которая требует строгого, систематического, рационального, логически обусловленного решения предметно-практических задач.

К тому же очень часто «креакл» является продуктом системы платного образования, которая выступает как «платная услуга», а не среда формирования всесторонне развитой личности, носителя знаний и духовных ценностей. Ее образование узко заточено на усвоение ряда «компетенций» в сфере своей прямой профессиональной активности, а воспитание — на формирование «квалифицированного потребителя». Выход за узкие рамки полученных компетенций требует «переквалификации», получения нового образования. И т.д. В целом такая личность мало квалифицирована. В ее образовании нет фундаментальности. Все необходимое ей знание она способна черпать лишь из готового информационного накопителя типа Википедии. Она обладает упрощенным, «процедурным» (предметоцентрическим) мышлением, которое не «схватывает» сущность сложных системных процессов. (И уж, конечно, ей недоступно понимание социальных процессов, которые в нашу эпоху являются особенно сложными).

«Креакл» способен усваивать лишь чужие тривиальные суждения и оценки (СМИ, Интернет и др.), понимать только самые простые решения; не способен к усвоению высших, рафинированных, профессионализированных форм культуры. И поэтому может быть лишь носителем квазиформ духовной культуры [4], лубочной масскультуры.

В таких условиях общественное сознание нивелируется до уровня обыденного сознания, которое носит нерелексивный характер. При этом и само обыденное сознание примитивизируется, утрачивает способность к адекватной ориентации в мире природных и социальных явлений, сползает в рутинный консерватизм и заурядную посредственность. Но, насыщаясь самодовольным догматизмом, оно выдает себя за магистральную линию культуры. Отсюда — господство серости, т.е. навязывании всем и всюду заурядности и пошлости, при одновременном поддержании иллюзии, что все позволено и ничего не обязательно.

Самая настораживающая и социально опасная черта личности постмодерна — ее безволие, неспособность к сложным сознательным, целенаправленным действиям, отсутствие целеустремленности, способности действовать в соответствии с выбранной целью. Такая личность способна лишь к бессодержательной, зато развлекательной игре. А результат игры всегда неопределен. Значит, мироощущение субъекта неизбежно приобретает мистериальные черты. Теряется чувство реальности. Как следствие — накат очередной волны мифологизации культуры.

В нашу повседневную жизнь вошли и прочно утвердились в ней казавшиеся давно исчезнувшими языческие суеверия, оккультизм, магия, спиритизм, колдов-

ство и пр., в массовом сознании мир вновь (как и сотни, тысячи лет тому назад) оказался наполненным духами и сверхъестественными материальными существами, проявлениями «нечистой силы», колдунами, ведьмами и т.п. В уголовной хронике уже появляются сообщения об убийствах женщин по подозрению в том, что они «ведьмы» и «наносят порчу» беззащитным гражданам, а прокуроры открывают уголовные дела против «привидений». И в Госдуму вносится законопроект, который призван регулировать порядок оказания оккультно-мистических услуг в области здравоохранения, который прямо признает существование «сверхъестественных способностей организма», но призывает пользоваться этим сверхъестественным в лечении пациентов только под присмотром специально обученных специалистов (!). Здесь уже напрямую воспроизводятся средневековые структуры сознания.

По существу, в отечественной духовной культуре сложился целый фронт антирационализма, который представлен различными осовремененными формами оккультизма, неомифологизма, язычества, магии, колдовства и др., претендующими на то, что они способны к «непосредственному познанию» мира и сверхъестественному воздействию на природу, общество и самого человека. Все чаще звучат голоса о «несостоятельности современной науки», ее «кризисе», вреде научно-технического прогресса, о том, что науке пора возвращать долги обыденному, массовому сознанию, о том, что обществу следует отказаться от идеалов рационализма, установки на познание объективных законов мира, от стремления к объективной истине и др. И все это при активном участии средств массовой информации [5].

Ситуация усугубляется тем, что отечественная духовная культура переживает еще и «религиозный ренессанс» [6], который сопровождается нарастанием апокалиптических настроений, многократно усиливающихся благодаря тяге СМИ к сенсационности. Не вдаваясь в анализ природы религии как особой формы сознания, отметим, что она далека от познавательного освоения мира, ее функция — это индивидуальное преодоление отчуждения человека от мира, гармонизация отношений человека и мира, она призвана исцелять «трагизм мироощущения конечным Я» (9), для чего нужна вера, источником которой всегда является некоторое мифотворчество.

В таких условиях закономерно возникает представление, что техногенная цивилизация исчерпала свои возможности. Причем факты настолько убедительны, что и возражать-то против такой оценки сложно. По-видимому, мы действительно имеем дело с некоторым цивилизационным поворотом, смысл которого далеко не очевиден. Здесь возникает целый ряд фундаментальных вопросов. Какова сущность эпохи постмодерна? Каковы подлинные масштабы «кризиса цивилизации»? С чем, собственно говоря, мы имеем дело, когда говорим о «кризисе цивилизации»? С некоторой очередной волной исторического прогресса (смена формаций, технологических укладов и пр.), которая сопровождается временной задержкой развития цивилизации? Или с проявлением дегенеративных тенденций в развитии общества, ведущих к его частичному или, может быть, даже и полному разложению, исчезновению, к его гибели (Апокалипсис)? Грядет другой мир

и другое общество, некий новый неизвестный нам тип социальной организации человечества? Какой «сценарий» событий готовит нам история? В потоке современной социально-философской литературы ответам на эти вопросы «несть числа».

Прежде всего следует отметить, что многообразие трактовок содержания понятия цивилизации в современной социальной философии и философии истории не позволяет однозначно определить некую специфическую социальную реальность, которая бы могла раз и навсегда заноситься в рубрику «цивилизаций».

Образно говоря, в современной философии истории цивилизаций как социальных реальностей несколько [7]. И все они существенно отличны друг от друга, или, по крайней мере, мы пока не в состоянии выделить то глубинное внутреннее основание, которое делает эти «цивилизации» чем-то единым.

Главные теоретические трудности здесь состоят в том, что цивилизация является сложным социальным объектом, требующим для своего исследования комплексных, междисциплинарных подходов, методологических принципов, позволяющих интегрировать в едином «логическом пространстве» этнические, экономические, социальные и культурные характеристики. Кроме того, за два с половиной столетия своего существования понятие цивилизации так и не избавилось от существенного оценочного, а значит, идеологического, элемента. В нем содержатся переплетенные между собой: предпочтения того или иного образа (уровня) жизни; желания или нежелания быть «подключенным» к той или иной цивилизационной системе, которая сама по себе есть некоторое благо; закамуфлированное отношение «мы — они» (быть членом именно «нашей» цивилизации — особая гордость и привилегия, обеспечивающая престижность; «наша» цивилизация — благороднее, прогрессивнее, гуманнее других и т.д.); здесь же латентно содержатся и чувства зависти, несправедливости, неудовлетворения и др.

На понятии «цивилизации» базируется множество политико-идеологических доктрин, противопоставляющих «войну цивилизаций» и глобализацию, «Запад и Восток», «славянофильство и западничество», «евразийство — и славянофильству и западничеству» и др. Все они так или иначе выражают социально-классовые и политические, в том числе геополитические, интересы различных социальных сил.

Далее. В многочисленных футурологических сценариях (Э. Тоффлер, С. Хантингтон, Ф. Фукуяма, М. Леонард и др.) выделяют самые различные признаки перехода к будущему обществу — и всепроникающее значение информации, «борьба цивилизаций», геополитическое доминирование западной цивилизации, необходимость перехода к новому, шестому технологическому укладу, нарастание глобального экологического кризиса, когда каждый серьезный шаг по пути научно-технического прогресса оборачивается обострением отношений человека с природой, и др.

Вместе с тем такие сценарии используются (как на Западе, так и у нас) в большей мере не для проектирования будущего, а для разработки идеологий и социально-политических практик, призванных регулировать «жизненный мир» человека сегодня и сейчас, программы жизненной самореализации личности. Бла-

годаря мощной «пропагандистской машине» такие сценарии популяризируются и буквально навязываются индивиду, заставляют его примерять их на себя. И это несмотря на их часто скверные философские основания и методологический эклектизм. А нередко такие рекомендации вообще выглядят совершенно дилетантскими (10).

В понимании и оценках будущего можно выделить два основные парадигмы. В первой современная социальная динамика интерпретируется как закономерное и неизбежное проявление исторического прогресса, а кризисные явления рассматриваются как отражение перехода к новому технологическому укладу, как проявление «кондратьевских волн» технологического развития (с их фазами подъема и упадка), наступающих тогда, когда возможности прежней технологической базы оказываются исчерпанными [8]. Их авторы — обычно убежденные оптимисты и уверены, что мы имеем дело с вялотекущим кризисом индустриальной системы, а прогрессивное восхождение социума неумолимо, любые возвраты в пугающее прошлое могут быть только неглубокими, кратковременными, и потому ни «нового нашествия варваров, ни нового средневековья не будет» [9].

Но больше все-таки тех, кто ориентирован на вторую парадигму, т.е. модель деградации социума, особенно на контрастном фоне эпохи Модерна. Такая модель базируется на убеждении, что восходящий тренд гуманизации общественной жизни в том его смысле, в каком сформировался в новоевропейской философско-гуманитарной традиции, себя исчерпал.

С этой точки зрения в эпоху постмодерна формируется новый тип культуры, для которого свойственно пренебрежение логикой, рационализмом, плюрализм и мозаичность моделей мира, цинизм и ироничность по отношению ко всему, что происходит в мире, неопределенность, неуверенность и двусмысленность во всем, что касается абсолютов культуры. А все вместе — это возврат в прошлое. В рамках этой парадигмы возникает потребность оценить и определить меру происходящей деградации цивилизации.

В какую, собственно говоря, древность, архаику человечество деградирует? Каковы антропологические основания такой деградации? Насколько она фундаментальна? С чем мы имеем дело, с возвратом в средневековье или с падением в эпоху кризиса Римской империи? Или же исчерпывает себя сам тип цивилизационной организации общества, сложившийся около шести тысяч лет тому назад в ходе неолитической революции (11), и человечество возвращается в эпоху варварства, которое является «общеисторической предпосылкой и спутником цивилизации» [10]? А может быть, ситуация выглядит еще более критически — не исчерпал ли себя сам способ бытия человека в мире и не находимся ли мы на краю человеческой истории, у той пропасти, за которой она завершается?

Выбор из двух парадигм не вполне ясен. Во всяком случае, общепризнанного решения пока не существует. На наш взгляд, в любом случае можно констатировать, что в нашу эпоху цивилизация как особая исторически разросшаяся система организации общественной жизни, сложившаяся в неолитическую эпоху, т.е. имеющая шеститысячелетнюю историю, вступила в противоречие со своими

базовыми принципами. В системы взаимодействия человека с миром включается множество новых опосредующих звеньев (как в сфере деятельности, так и в сфере общения), которые не охватываются когнитивной стороной сознания, не рефлексированы, а лишь эмоционально переживаются субъектом, реализуются через бессознательные уровни духовности. Развитие средств информации, способов непосредственной коммуникации преобразует тип опосредованного общения, который определил становление цивилизации. Развитие информационных способов коммуникации делает общение субъектов «опосредовано-непосредственным». Для такого типа общения характерны, во-первых, тенденция возврата от абстрактных форм постижения мира к наглядно-образным, более тесно связанными не с когнитивной, а с эмоционально-аффективной сферой духовности. Во-вторых, ослабление волевого начала в деятельности человека. Именно эти две тенденции, на наш взгляд, и выражают собой тот фундаментальный тренд исторического развития, который определит будущее человеческой цивилизации.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) По сведениям Всемирной организации здравоохранения, доля психических и неврологических расстройств среди патологий составляла в 1990 г. 10%, в 2001 г. — 12%, а в 2020 г. возрастет как минимум до 15%. (Психическое здоровье: новое понимание, новая надежда. Доклад ВОЗ. Женева, 2001). Еще хуже обстоит дело в России. См.: *Кара-Мурза С.Г.* Аномия в России: причины и проявления. М., 2013; *Демчева Н.К., Чуркин А.А.* Оценка состояния психического здоровья и факторы риска формирования психических расстройств. М., 2012.
- (2) В них заключен значительный элемент неопределенности. Однозначно предсказать результаты генно-инженерных воздействий на природно-биологическую основу человека невозможно. Здесь коренится множество опасностей. По последним данным, за деятельность мозга отвечает 80% генов человека. Сейчас весьма популярны трансгуманизм и т.н. «Программа-2045», в которой речь идет о совершенствовании нашего биологического вида, вплоть до создания нового вида (сверхчеловека) средствами генной инженерии. (См.: <http://www.2045.ru>; <http://www.transhumanism—russia.ru>; *Эттингер Р.* Перспективы бессмертия. М., 2003; и др.). На наш взгляд, клонирование, искусственный синтез геномов уже некротоманьонских видов homo sapiens, обладающих особыми морфо-физиологическими и психическими характеристиками, не говоря уже о создании «монстров», синтезирующих черты человеческих и нечеловеческих организмов, органического и неорганического, и за счет этого преодоление «слабых сторон» биологической организации человека как вида методами биоинженерии — все это форма современной «социальной алхимии». Здесь не учитывается, что такого рода генетические изменения влекут за собой трансформации не только внешнего облика «нового человека», его морфологии, его фенотипа, но и его образа жизни, духовной организации, его способа бытия в мире. Наверняка его психика, духовный мир будет совершенно чужд биологическому виду homo sapiens sapiens.
- (3) Для этих выводов богатейший иллюстративный материал дают события в Украине — буквально духовное убожество и тех, кто там правит (т.н. элита), и тех, кем правят (электорат). Хотя еще совсем недавно по историческим меркам, т.е. лет двадцать тому назад, это были совершенно другие люди, с иным мышлением, сознанием, другими ценностями.
- (4) На примере постсоветского периода украинской истории хорошо видно, как легко из тайны этногенеза (славян вообще, и восточных славян в частности) взрастить мифологему исключительности «укров» и создать на ее основе идеологию неонацизма.

- (5) Сначала терроризм взращивается государственными структурами, а затем, когда он выходит из-под контроля, эти же структуры начинают с ним бороться. Здесь хрестоматийным примером стала история т.н. Аль-Каиды.
- (6) В связи с развернувшейся в 2014 г. гражданской войной на Украине мировое сообщество имело возможность не раз убедиться в дилетантизме, плохой образованности, а иногда и просто невежестве представителей госаппарата США. Включая сюда и Президента Барака Обаму, человека, совершенно не способного на серьезную политическую аналитику. Впрочем, для парapolитики это и не нужно. На каждом шагу истинные цели американской политики маскируются голословными заявлениями, обвинениями, декларациями, не имеющими никаких реальных оснований в подлинной политической реальности.
- (7) В своем выступлении на заседании Бильдербергского клуба в 1992 г. (Франция) Г. Киссинджер отметил: «Сегодня американцы были бы возмущены, если бы солдаты ООН вошли в Лос-Анджелес для восстановления порядка; но завтра они будут благодарны! И совсем уж наверняка это произойдет, если им расскажут о внешних угрозах — неважно, реальных или придуманных — да притом таких, которые угрожают самому нашему существованию. Именно тогда все люди, живущие в мире, доверятся своим лидерам, чтобы те избавили их от этого бедствия. Единственное, чего боится каждый — это неизвестность. Столкнувшись с таким развитием событий, люди охотно откажутся от своих прав в обмен на гарантии комфортного существования, которые им предоставит мировое правительство» (Г. Киссинджер. Выступление на заседании Бильдербергского клуба. 1992. Цит. по: James P. Tucker Jr. Media Protects Bilderberg // The Spotlight. 2009).
- (8) Понятие «креативный класс» имеет корни в современной американской социологии. Оно было введено Р. Флоридой для обозначения социальной группы населения, включенной в постиндустриальный сектор экономики. И если в американской социологии это понятие не получило широкого распространения, то в отечественной идеологической сфере, во многом провинциальной, вторичной по отношению ко всему западному, оно было подхвачено и объявлено чуть ли не базовым понятием: креативный класс — носитель «постсоветской экономики».
- (9) Как отмечал один из видных представителей современной протестантской теологии П. Тиллих, «только те, кто пережил шок от сознания своей бренности, испытал тревогу от сознания своей конечности и ощутил угрозу небытия, — только они и могут понять, что значит Бог» (Тиллих П. Систематическая теология. В 3 т. Т. I—II. М.; СПб., 2000. С. 65).
- (10) Нам говорят, что для перехода к будущему информационному обществу, в котором будут стерты границы между властью и информацией, необходима модернизация образования. Что же предлагается? Оказывается, нам предлагают дифференцировать и «рассредоточить» образовательный процесс. Это предполагает отказ от традиционного набора предметов; ведущая роль переходит от преподавателя к учащемуся, учащийся сам (!) принимает решения о том, чему, у кого и как учиться; целью обучения объявляется погоня за самым новым, «последним знанием», а под методикой образования понимают «тьюторское» инструктирование учащегося, чему нужно учиться, как при этом разучиваться и как затем переучиваться («педагогические траектории»). Подлинные истоки такой «педагогической футурологии» — в бихевиористской психологии и педагогике еще XIX в.! И вот такая «педагогика» под видом новаций и педагогических «откровений» навязывается в Европе, в России, странах СНГ и др.

Справедливости ради следует отметить, что и отечественная футурологическая литература даже в ее антизападнической вариации (М. Калашников и др.) также слишком заидеологизирована, а в философском плане ориентирована на плоский позитивизм. Чего стоят только призывы «прогрессистов» к ликвидации Комиссии по лженауке при РАН, которая сейчас по сути в одиночку ведет войну с мракобесием и множественными научными фальсификациями!

- (11) Мы исходим из понимания цивилизации как определенного типа организации общественной жизни, который сложился в результате неолитической революции и предполагает производящее хозяйство, классовое разделение общества, возникновение государства, господство опосредованных форм общения, отделение духовного производства от материального и др. Претерпев ряд качественных преобразований, накопив множество противоречий, этот способ организации общественной жизни просуществовал и до настоящего времени, хотя нарастание глобальных проблем современности дает серьезные основания для вывода об исчерпании им своих потенциальных возможностей.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003.
[2] См.: Наука и квазинаука. М., 2008.
[3] De conspiratione. О заговоре. Сборник монографий / Под ред. А.И. Фурсова. М., 2013.
[4] Найдыш В.М. Философия мифологии. От античности до эпохи романтизма. М., 2002.
[5] См., например: Цуканова И.В. Реанимация жанра видений в современной печати // Человек в изменяющейся России. Белгород, 2007. Ч. 11. С. 84—88.
[6] См.: Каарийнен К., Фурман Д.Е. Религиозность в России на рубеже XX—XXI столетий // Общественные науки и современность. 2007. № 1, 2; Конашев М.Б. Дарвин и религия // Человек. 2009. № 5. С. 22—23.
[7] См.: Найдыш В.М. Цивилизация как проблема философии истории. М., 1997.
[8] Кондратьев Н.Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения // Избранные труды. М.: Экономика, 2002; Глазьев С.Ю. Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса. М.: Экономика, 2010.
[9] Например, см.: Эйдман И. Прорыв в будущее. Социология Интернет-революции. М., 2007.
[10] Мотрошилова Н.В. Цивилизация и варварство в эпоху глобальных кризисов. М., 2010. С. 78.

POSTMODERN AND THE CRISIS OF CIVILIZATION

V.M. Naydysch

Department of Ontology and Epistemology
Faculty of Humanities and Social Sciences
Russia Peoples' Friendship University
Miklukho-Maklay str., 10/2, Moscow, Russia, 117198

N.H. Komarova

Department of Economical Theory
National University of Science and Technology "MISIS"
Leninsky prospect, 4, Moscow, Russia, 119049

In the context of postmodern converted type of communication that defined the emergence of civilization. The development of information communication methods makes communication "mediated-direct". In these conditions shown two important trends. Firstly, the return begins from abstract forms of understanding the world to visual-shaped, more closely related with emotional and affective sphere of spirituality. Second, beginning in weakened volitional consciousness. These trends, in our view, and represent a fundamental trend of historical development, which will determine the future of human civilization.

Key words: Modern, postmodern, civilization, parapolitik, rationalism, cognitive, value, consciousness.

REFERENCE

- [1] Hantington S. Stolknovenie civilizacij. M., 2003.
- [2] Sm.: Nauka i kvazinauka. M., 2008.
- [3] De conspiratione. O zagovore. Sbornik monografij / Pod red. A.I. Fursova. M., 2013.
- [4] Najdysh V.M. Filosofija mifologii. Ot antichnosti do jepohi romantizma. M., 2002.
- [5] Sm., naprimer: Cukanova I.V. Reanimacija zhanra videnij v sovremennoj pechati // Chelovek v izmenjajushhejsja Rossii. Belgorod, 2007. Ch. 11. S. 84—88.
- [6] Sm.: Kaarijnen K., Furman D.E. Religioznost' v Rossii na rubezhe HH–HHI stoletij // Obshestvennye nauki i sovremennost'. 2007. № 1, 2; Konashev M.B. Darvin i religija // Chelovek. 2009. № 5. S. 22—23.
- [7] Sm.: Najdysh V.M. Civilizacija kak problema filosofii istorii. M., 1997.
- [8] Kondrat'ev N.D. Bol'shie cikly kon#junktury i teorija predvidenija // Izbrannye trudy. M.: Jekonomika, 2002; Glaz'ev S.Ju. Strategija operezhajushhego razvitija Rossii v uslovijah global'nogo krizisa. M.: Jekonomika, 2010.
- [9] Naprimer, sm.: Jejdman I. Proryv v budushhee. Sociologija Internet-revoljucii. M., 2007.
- [10] Motroshilova N.V. Civilizacija i varvarstvo v jepohu global'nyh krizisov. M., 2010. S. 78.